
ПРОТЕСТАНТСКАЯ СМУТА ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ XVII-ГО ВѢКА.

I.

(Умноженіе путешествій греческихъ духовныхъ лицъ за границу, преимущественно въ протестантскія страны, въ концѣ XVI-го и нач. XVII вѣковъ, цѣль этихъ путешествій;—свѣдѣнія о такого рода путешествіяхъ изъ конца XVI вѣка;—путешествіе Кирилла Лукариса съ научною цѣлю въ кон. XVI-го и нач. XVII в.;—такогоже рода тринадцатилѣтнее путешествіе Митрофана Критопула въ нач. XVII-го в.;—подробности объ этомъ послѣднемъ путешествіи;—значеніе этихъ путешествій въ религіозномъ отношеніи.—какъ отозвалось заграничное путешествіе на образъ мыслей Кирилла Лукариса?)

Два взгляда на религіозный образъ мыслей Кирилла Лукариса, отзывы объ этомъ разныхъ ученыхъ и писателей;—современное намъ состояніе вопроса о перелискѣ Кирилла съ лицами протестантскаго міра и о „Исповѣданіи вѣры“, приписываемомъ Кириллу и носящемъ характеръ протестантскій).

Сношенія Греческой церкви съ протестантами, достигшія значительнаго развитія при константинопольскомъ патріархѣ Іереміи II-мъ, въ XVI-мъ вѣкѣ, не только не ослабѣваютъ въ дальнѣйшемъ, XVII вѣкѣ, но еще расширяются, усложняются и вызываютъ знаменательныя движенія въ Греческой церкви.

Начало XVII-го вѣка было особенно благоприятно для сношеній Грековъ съ протестантами. Въ это время усиливается вліяніе на Порту правительствъ западныхъ протестантскихъ народовъ—англичанъ, голландцевъ, шведовъ. Послы этихъ протестантскихъ правительствъ получили большой вѣсъ въ глазахъ главнѣйшихъ представителей Порты. Это преимущественно должно сказать о посольствахъ англійскомъ и голландскомъ. Порты, какъ мы уже знаемъ, и вообще благосклонно относилась къ протестантскимъ державамъ, а въ свою очередь послы этихъ державъ, находясь въ Кон-

стантиннополь покровительствовали Греческой церкви, видя ее непріязнено настроенною противъ папства, что было пріятно представителямъ протестантскихъ государствъ. Между протестантскими посланцами и греческою церковію устанавливались вообще добрыя отношенія. А это располагало Грековъ къ болѣе обстоятельному и близкому ознакомленію съ протестантскимъ строемъ мысли и ученіемъ протестантскихъ релігіозныхъ обществъ.

Наиболѣе важнымъ средствомъ къ такому ознакомленію служили путешествія на Западъ жаждущихъ просвѣщенія Грековъ. Примѣры такихъ путешествій умножились къ концу XVI-го вѣка и возросли въ началѣ XVII-го. Путешествія за границу любознательныхъ Грековъ этого времени, имѣвшихъ цѣлю усвоить плоды западнаго образованія и воспользоваться ими въ интересахъ церковныхъ, сами по себѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ любопытное явленіе; но особенно они имѣютъ для насъ значеніе потому, что даютъ ключъ къ разъясненію тѣхъ историческихъ фактовъ, о которыхъ будемъ говорить ниже. Путешествовавшіе съ научною цѣлю Греки избирали мѣстомъ своего пребыванія чаще всего протестантскія страны, въ которыхъ, какъ и естественно, они находили ученые учрежденія и ученыхъ профессоровъ протестантскаго направленія. Выборъ этихъ именно странъ опредѣлялся прежде всего тѣмъ, что Греки, если пускались въ ученое путешествіе съ ясно сознанными намѣреніями, избѣгали такихъ западныхъ центровъ просвѣщенія, въ которыхъ господствовала папская ферула. Нерѣдко, притомъ же, путешествующіе по западу, Греки предпринимали это трудное дѣло съ прямымъ намѣреніемъ отыскать для себя орудія, наиболѣе пригодныя въ борьбѣ съ притязательнымъ и неутомимымъ римско-католицизмомъ. Въ виду всего этого Греки, желавшіе изучать науки, больше всего устремлялись въ Англію, Германію, Швейцарію, Голландію.

Ознакомимся съ нѣкоторыми изъ такихъ путешествій.— До насъ сохранился дневникъ извѣстнаго тюбингенскаго профессора конца XVI-го вѣка Мартина Крузія или Крузе; дневникъ этотъ недавно открытъ въ тюбингенской бібліотекѣ и изученъ однимъ греческимъ ученымъ. Въ дневникѣ нашлись и нѣкоторыя замѣтки касательно Грековъ, постъ-

шавшихъ тюбингенскій университетъ въ концѣ 90-хъ годовъ указаннаго вѣка. Такъ, Крузіи записываетъ, что его посѣщали двое Грековъ, имѣвшихъ санъ архіепископа (?). У нихъ не было никакихъ рекомендательныхъ писемъ или другихъ документовъ: все это оказалось у нихъ похищеннымъ. Изъ разговоровъ съ ними тюбингенскій профессоръ узналъ, что одинъ изъ нихъ называется Аѳанасіемъ и былъ преемникомъ по сану нѣкоего Гавріила архіепископа Первой Іустиніаны (въ Болгаріи), который назадъ тому 12 лѣтъ былъ здѣсь въ Тюбингенѣ, а другой назывался Іеремією и состоялъ епископомъ Пелагонійскимъ въ Македоніи; этотъ послѣдній былъ спутникомъ Гавріила во время посѣщенія имъ Тюбингена. Въ дневникѣ Крузія между прочимъ было записано слѣдующее: „Были у меня двое Грековъ (Аѳанасій и Іеремія). Съ ними я много говорилъ. Съ Аѳанасіемъ я велъ бесѣду о религіи. Мы соглашались съ нимъ въ слѣдующихъ пунктахъ: что всѣ люди повреждены отъ природы; что мы возставаемъ вслѣдствіе обѣтованія даннаго въ раю—о сѣмени; что это обѣтованіе сохранялось у патриарховъ; что избранному народу Еврейскому давались указанія на Христа посредствомъ типовъ и сѣней (*σχημα*); что по явленіи Христа, эти послѣднія уничтожились, такъ какъ пришла истина и свѣтъ; что мы оправдываемся и спасаемся только вѣрою во Христа (сомнительно,—скажемъ мы,—чтобы греческій архіерей безъ большихъ споровъ сталъ-бы раздѣлять это ученіе); что вѣра свидѣтельствуется добрыми дѣлами, дѣлами милосердія.—А не соглашались мы съ нимъ въ вопросѣ о призываніи святыхъ. Онъ, Аѳанасій, настаивалъ, что святыхъ нужно призывать, потому что все у нихъ сообразно съ „образомъ Божіимъ“, духъ ихъ уже чистъ и можетъ имѣть силу предъ Богомъ. Я же отвѣчалъ ему, что призыванія не должно быть, потому что не слѣдуетъ отнимать чести, принадлежащей Богу. Да и Христосъ говорилъ: „приидите ко Мнѣ“, а не къ Петру или Маріи, и научилъ молиться: „Отче нашъ“. Притомъ въ 50 (49) псалмѣ сказано: „призови Мя“, а не другого кого. Наконецъ: святые не всемогущи, но суть существа ограниченныя и не вездѣсущи. Я сказалъ: запомните эти слова“. Крузіи не оставлялъ безъ вниманія и матеріальныя нужды греческихъ путешественниковъ. По его ходатайству, университетъ выдать

имъ 3 или 4 флорина и что-то еще. Изъ Тюбингена эти Греки отправились въ Нюрнбергъ. На дорогу Крузіи опять собрать для нихъ денегъ, такихъ денегъ онъ далъ имъ 10 флориновъ. Кромѣ того, онъ снабдилъ ихъ рекомендательными письмами. Греки были очень благодарны заботливому профессору: они, по словамъ дневника, выражали ему желаніе долгой и спокойной жизни и всякаго счастья; Аванасій же прибавлялъ еще, что имя Крузія пользуется извѣстностію во всей Греціи. Они обѣщали писать ему о себѣ изъ Нюрнберга. Крузіи каждому изъ нихъ подарилъ на память по портрету съ изображеніемъ своей личности ¹⁾.

Изъ приведеннаго отрывка, взятаго изъ дневника Крузіева, видно, что на Западѣ очень внимательно относились къ Грекамъ, посѣщавшимъ тамошніе университеты. Видно и то, что даже профессора не-богословы, въ родѣ Крузія, любили заводить съ ними богословскіе споры, стараясь отстаивать свои религіозныя воззрѣнія.

Кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ Грекахъ, посѣщавшихъ западные университеты, до насъ сохранились и болѣе обстоятельныя извѣстія объ отдѣльныхъ греческихъ выходцахъ, предпринимавшихъ заграничныя путешествія съ научною цѣлію, въ разсматриваемое время, т. е. въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го вѣковъ. Вотъ что—напримѣръ—извѣстно въ этомъ отношеніи о Кириллѣ Лукарисѣ, впоследствии александрійскомъ и константинопольскомъ патріархѣ. Кириллѣ Лукарисѣ, родившійся въ 1572 году, очень рано сдѣлался предметомъ попеченій извѣстнаго александрійскаго патріарха Мелетія Пиги, который и позаботился объ его образованіи. По достиженіи Кирилломъ двѣнадцатилѣтняго возраста, Мелетій отправилъ его на западъ, гдѣ только и можно было тогдашнему Греку получить основательное научное образованіе. Сначала онъ учился въ Венеціи: здѣсь имъ приобрѣтено было образованіе, подготовлявшее его къ прохожденію высшаго курса наукъ; а потомъ онъ переправляется въ Падую для занятій въ тамошнемъ университетѣ. Этотъ городъ принадлежалъ венеціанской республикѣ, а потому здѣсь наука мало была стѣснена по отношенію къ сво-

¹⁾ Mystakidès. Notes sur Martin Crusius. (Revue des études Grecques. Tome XI, 1898). p. 297. 299—301.

бодѣ преподаванія; папскій гнетъ, котораго такъ опасались и боялись Греки того времени, здѣсь отсутствовалъ. У кого же и чему учился Кириллъ въ Падуѣ? Насколько правительство здѣсь обнаруживало заботливость о нравственномъ поведеніи учащихся, настолько же оно оставляло безъ вниманія характеръ и направленіе учащихся. Уже объ Яковѣ Забореллѣ, падуанскомъ профессорѣ, у котораго раньше учился Мелетій Пига, извѣстно, что онъ былъ скептикомъ и о немъ говорили даже, что онъ не вѣрилъ въ безсмертіе души. Еще хуже того, былъ одинъ изъ здѣшнихъ профессоровъ, у котораго довелось слушать уроки Кириллу. Говоримъ о Цезарѣ Кремонини, считавшемся первымъ философомъ своего времени. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ сердца своихъ учениковъ, они считали и восхваляли его, какъ единственнаго профессора въ своемъ родѣ. Онъ былъ врагомъ вновь возникшаго ордена Іезуитовъ и ходатайствовалъ предъ правительствомъ страны о закрытіи іезуитскихъ школъ въ венеціанской республикѣ. Но гораздо важнѣе этого было то, что, по увѣренію его учениковъ, Кремонини не питалъ вѣры въ безсмертіе души и держался превратныхъ мыслей о промыслѣ Божіемъ и происхожденіи міра. Другой знаменитый падуанскій профессоръ того времени Пикколomini представлялъ собою другую крайность. Онъ былъ жаркимъ приверженцомъ папизма. Изъ двухъ этихъ преподавателей Кириллъ, повидимому, отдавалъ предпочтеніе Кремонини. Но конечно вліяніе этого послѣдняго не могло быть благотворнымъ на умы слушающихъ у него уроки, какъ показываетъ примѣръ грека Коридаллея, о которомъ рѣчь у насъ будетъ ниже. Кириллъ оставался въ Падуѣ до 23-лѣтняго возраста. Его занятія главнымъ образомъ сосредоточивались на тѣхъ сторонахъ философской науки, на которыя въ то время принято было обращать особенное вниманіе, на діалектикѣ, метафизикѣ и этикѣ въ духѣ аристотелизма. Кромѣ того, онъ изучилъ здѣсь древнегреческій, латинскій и итальянскій языки. Что касается богословскихъ знаній, то сомнительно, чтобы онъ могъ въ это время освѣтиться съ этою отраслю науки¹⁾. Черезъ нѣсколько времени, въ санѣ уже архимандрита, Ки-

¹⁾ Pichler. Geschichte des Protestantismus in d. orientalischen Kirche im 17 Jahrhundert. S. 45—47. 50. München, 1862.

риалтъ, кажется по собственной инициативѣ, предпринялъ вторичное путешествіе на западъ, именно въ страны протестантскія. Въ началѣ XVII-го вѣка Кирилль Лукарисъ отправляется въ Женеву и Виттенбергъ, — два извѣстнѣйшіе центра протестантизма. Остается неяснымъ, какой изъ этихъ городовъ онъ посѣтилъ сначала; вѣроятно же, что уже изъ Виттенберга онъ переехалъ въ Женеву. Виттенбергъ въ это время еще твердо хранилъ преданія главы протестантизма и считался Дельфами лютеранской Германіи. Безъ сомнѣнія, Кирилль проявлялъ въ названномъ городѣ у кого-либо изъ профессоровъ университета, такъ какъ тогда было въ обычаѣ, что профессора брали себѣ по возможности больше нахлѣбниковъ изъ числа студентовъ. Философское образованіе въ Виттенбергѣ въ началѣ XVII-го вѣка ограничивалось исключительно учебниками Меланхтона и вообще было очень недостаточнымъ. Еще въ XVI вѣкѣ раздавались жалобы на то, что въ лютеранскихъ университетахъ встрѣчается почти полное изгнаніе всякой философіи. Въ богословіи здѣсь господствовали принципы лютеранства, при чемъ все, что носило печать кальвинизма, подвергалось преслѣдованію. Нужно думать, что Кирилль не долго оставался въ Виттенбергѣ. Но во всякомъ случаѣ, онъ принятъ былъ здѣсь очень предупредительно; ему оказываема была и помощь матеріальная и притомъ значительная.—Изъ этого города Кирилль отправляется въ Женеву. Безо всякаго преувеличенія можно сказать, что Женеву въ концѣ XVI-го вѣка стала кальвинистическимъ Римомъ, а ея теологи священной коллегіей кальвинизма. Такимъ процвѣтаніемъ разсматриваемый городъ обязанъ въ особенности талантамъ тамошняго профессора Дюдана. Притокъ новыхъ слушателей увеличился благодаря и тому обстоятельству, что отмѣнено было правило, которымъ требовалось, чтобы всѣ студенты давали подписку въ согласіи принять кальвинскую формулу вѣры. Южная митрополія протестантизма начала равняться въ блескѣ съ Виттенбергомъ. Не только изъ Франціи, Италіи и Швеціи, но и изъ Англіи стали сюда стекаться любящіе науку мужи и юноши. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло вѣрныхъ извѣстій о пребываніи Кирилля Лукариса въ Женевѣ. Во всякомъ случаѣ нужно утверждать, что пребываніе его здѣсь было не бесплодно; онъ имѣлъ возможность

расширить и обогатить кругъ своихъ богословскихъ познаний; здѣсь же онъ приобрѣлъ вполне достаточное знакомство съ религіозными доктринами, составлявшими характеристическую особенность реформатской церкви ¹⁾.

Другой примѣръ ученаго путешествія, предпринятаго Грекомъ въ изучаемое нами время, представляетъ путешествіе Митрофана Критоцула, впоследствии патріарха александрійскаго. Критоцулъ началъ свое путешествіе уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и продолжалъ его цѣлые годы. Этотъ эпизодъ изъ жизни указаннаго лица недавно обстоятельно описанъ греческимъ ученымъ Реніеромъ въ его сочиненіи: „Митрофанъ Критоцулъ и его друзья въ Англіи и Германіи“ (1617—1628) ²⁾. Первою странюю на западѣ, которую посѣщаетъ Критоцулъ, была Англія. Онъ предпринимаетъ свое путешествіе по инициативѣ Кирилла Лукариса, бывшаго тогда патріархомъ александрійскимъ. Избрана же была прежде всего Англія потому, что тогдашній англійскій король Іаковъ I изъявлялъ ранѣе согласіе взять на себя попеченія объ образованіи какого либо греческаго духовнаго лица, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо Лукариса къ Георгію Абботу, архіепископу кантербурійскому (отъ 1 марта, 1616 г.). Митрофанъ прибылъ въ Англію въ срединѣ 1617 года и сначала учился въ Лондонѣ въ одной коллегіи, гдѣ преподавалось богословіе и другія

¹⁾ Ibidem, S. 61—64.

²⁾ *Γενέσις. Μιτροφάνης Κριτόπουλος καὶ οἱ ἐν Ἀγγλίᾳ καὶ Γερμανίᾳ φίλοι αὐτοῦ*. Аѳины. 1893. Книга представляетъ собою подробное описаніе путешествія Критоцула по разнымъ странамъ протестантскимъ. Въ основѣ ея положены очень важный современный событію документъ. Это альбомъ самого Критоцула. Въ бытность еще въ Англіи ему пришла въ голову благая мысль завести альбомъ, въ которомъ стали бы вписывать свои имена и разнаго рода отзывы, рекомендаціи и замѣтки какъ наставники, у которыхъ ему приходилось учиться, такъ и другія, достойныя уваженія лица, съ которыми онъ входилъ въ сношенія. Тѣ, кому онъ предлагалъ свой альбомъ ради указанной цѣли, охотно исполняли его желаніе. И такъ было не только въ Англіи, но и другихъ странахъ. Такъ возникъ альбомъ Критоцула, который самъ онъ называлъ *Φιλοθήκη*. Этотъ альбомъ довольно обширенъ и уцѣлѣлъ до нашего времени. Отзывы, рекомендаціи и разныя замѣтки, находящіяся въ альбомѣ, придаютъ изслѣдованію нашего автора, т. е. Реніера, особенную свѣжесть и сообщаютъ ему характеръ рѣдкой достоверности. Воспользуемся изъ книги Реніера хотя немногими свѣдѣніями, имѣющими значеніе для нашего предлагаемаго очерка.

науки, а потомъ переѣхалъ въ знаменитый оксфордскій университетъ, въ которомъ изучалъ разныя науки, при чемъ языки латинскій и англійскій онъ изучалъ у элениста Эдуарда Сильвестра. Нужно сказать, что Кристопулъ предпринялъ путешествіе въ зрѣломъ возрастѣ, имѣя уже санъ священника. Съ цѣлю своего образованія онъ оставался въ Англіи до конца 1622 года, слѣдовательно болѣе 5-ти лѣтъ. Въ Кристопуловомъ альбомѣ, о которомъ мы упоминали раньше, находимъ подписи тѣхъ лицъ, у которыхъ онъ учился съ похвальными отзывами какъ относительно успѣховъ его въ наукахъ, такъ и благонравія. Между подписями альбома встрѣчаемъ имя и архіепископа Георгія Аббота. Предъ тѣмъ, какъ отправиться изъ Англіи, любознательный Грекъ представился королю Іакову I-му и получилъ отъ него грамоту, которою внушалось подлежащимъ властямъ оказывать всякое вниманіе и содѣйствіе Митрофану, при его обратномъ путешествіи. Пятилѣтнее пребываніе его въ Англіи обошлось англійскому правительству, какъ видно изъ одного письма архіепископа кантербурійскаго, въ 300 фунтовъ стерлинговъ слишкомъ. На дорогу дано было Митрофану отъ этого послѣдняго десять фунтовъ стерлинговъ; кромѣ того отъ него же подарено было ему много книгъ, которыя легли въ основу его бібліотеки, впоследствии очень разросшейся. Указанному архіепископу не нравилось, что Митрофанъ не прямо возвращается на Востокъ, но ѣдетъ еще въ Германію, но первому неизвѣстно было, что такова была воля Кирилла Лукариса, руководившаго путешествующимъ Грекомъ ¹⁾).

Въ Германіи Кристопулъ посѣтилъ очень многіе города, славившіеся образованіемъ. Прежде всего его видимъ въ Гамбургѣ и Бременѣ. Хотя здѣсь и не было университетовъ, но за то находились высшія гимназіи, состоявшія изъ четырехъ факультетовъ и славившіеся наравнѣ съ тогдашними нѣмецкими университетами. И учрежденія, и профессора оказывали Кристопулу всякое благоволеніе. Разумѣется, богословіе привлекало здѣсь особенное его вниманіе, какъ показываетъ и альбомъ его. Изъ указанныхъ городовъ Кристопулъ переправился въ Гельмштадтъ, гдѣ былъ настоящій уже университетъ и притомъ пользовавшійся большою славою.

¹⁾ *Γενέρις*, 9—11, 22—23, 26—27.

Во главѣ профессоровъ стоялъ Каликстъ слышій за великаго протестантскаго теолога. Въ домѣ его Критопулъ и прожилъ цѣлую зиму, пользуясь его благорасположеніемъ и любовью; столь же онъ получалъ въ домѣ другого профессора. Расходы на содержаніе греческаго пришельца, по ходатайству университета, принялъ на себя самъ герцогъ (Брауншвейгъ-вольфенбюттельскій). Любопытно отмѣтить, что въ домѣ Каликста вся семья говорила между собою по латыни, какъ въ наше время принято въ нѣкоторыхъ домахъ изъясняться по французски. Такое обыкновеніе было полезно для Критопула, давая ему возможность усовершенствоваться въ латинскомъ языкѣ, такъ какъ и онъ обязанъ былъ раздѣлять вкусы своего хозяина. Во время пребыванія въ Гельмштадѣ, Критопулъ, по просьбѣ Каликста, составилъ обширное „исповѣданіе православной восточной церкви“, которое впоследствии и издано было здѣсь же. Это произведеніе Митрофана Критопула иными считалось написаннымъ въ духѣ благопріятному протестантскимъ тенденціямъ, но гораздо правильнѣе отрицать въ немъ подобное попятное, что и раскрыто въ новѣйшее время. Въ альбомѣ Критопула встрѣчаемъ много замѣтокъ гельмштадскихъ профессоровъ, въ которыхъ они выражаютъ живыя симпатіи любознательному Греку. Въ 1625 году онъ прибылъ въ Виттенбергъ, желая зрѣть „эту гору Сионъ истиннаго лютеранизма“, по выраженію описателя Критопулова путешествія. Здѣсь пробылъ Митрофанъ не долго-лишь нѣсколько недѣль. Имѣя рекомендаціи Каликста, греческій путешественникъ радушно былъ принятъ профессорскою корпораціей и въ этомъ городѣ. Затѣмъ Критопулъ появляется въ Берлинѣ, въ герцогствѣ Брандсбургскомъ. Цѣлю посѣщенія имъ этого города была не наука. Въ здѣшнихъ придворныхъ кругахъ господствовала мысль о соединеніи лютеранъ и кальвинистовъ въ одно общество. Во главѣ этого движенія изъ числа протестантскихъ богослововъ оказывался Іоаннъ Бергъ, бывшій профессоръ Франкфуртскаго университета, а теперь придворный проповѣдникъ герцога брандсбургскаго. Однимъ изъ главныхъ и дѣятельнѣйшихъ сторонниковъ этого дѣла являлся преждеупомянутый нами Каликстъ изъ Гельмштада. Но этотъ послѣдній соединеніе церквей понималъ очень широко: ему предносилась мысль о возможности сближенія

не только неодинаковыхъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, но и союзничества между протестанствомъ и восточною православною церковію. Съ этой идеей Каликста знакомъ былъ Критопулъ и раньше; но теперь ему хотѣлось узнать, какъ смотритъ на этотъ же вопросъ Бергъ, которому планъ Каликста былъ уже извѣстенъ. Дальнѣйшихъ подробностей по поводу подобной затѣи до насъ впрочемъ не дошло.—Послѣ Берлина, Критопулъ продолжаетъ посѣщеніе такихъ германскихъ городовъ, которые славились своими университетами. Онъ появляется въ Іенѣ, гдѣ возвращается въ кружкѣ университетскихъ профессоровъ; не обходитъ Кобурга, въ которомъ имѣлась лишь высшая гимназія; въ октябрѣ 1625 года его находимъ въ университетѣ въ Алтдорфѣ, вблизи Нюрнберга. Отсюда онъ перебирается въ Штутгардъ. Впрочемъ больше имѣется извѣстій о его пребываніи въ Тюбингенѣ, университетъ котораго влекъ къ себѣ Критопула. Онъ оставался здѣсь отъ октября 1626 года до іюня 1627. Тюбингенскій университетъ того времени былъ прибѣжищемъ самаго строгаго лютеранизма, доходившаго до большой нетерпимости. Съ точки зрѣнія теологовъ тюбингенскихъ не только католики, но и кальвинисты и криптокальвинисты разсматривались какъ еретики и враги религіозной истины. О нѣкоторыхъ изъ этихъ теологовъ, наприм. Лукѣ Озіандерѣ, принимая во вниманіе ихъ неукротимый фанатизмъ, говорили тогда, что на нихъ Духъ святой сошелъ скорѣе въ видѣ ворона, чѣмъ голубя. Тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ исторія Критопула, этотъ тюбингенскій фанатизмъ не простирался на греческую восточную церковь. Изъ Критопулова альбома видно, что даже самъ Лука Озіандеръ не преминулъ наименовать здѣсь греческаго іеромонаха: *domicus amicissimus et honorandissimus*. Въ Тюбингенѣ Критопулъ устроился очень удобно. Онъ содержался на счетъ герцога виртембергскаго. Мало того: онъ допущенъ былъ въ т. н. *collegium illustre*, превосходный пансіонъ, въ который принимались и въ которомъ содержались юноши изъ высокопоставленныхъ и благородныхъ семействъ, прибывавшіе въ Тюбингенъ для слушанія лекцій въ здѣшнемъ университетѣ. Такимъ образомъ сотрапезниками скромнаго іеромонаха были въ теченіе десяти мѣсяцевъ—князья, графы и дворяне. Впослѣдствіи Критопулъ особымъ письмомъ благодарилъ ве-

ликодушнаго герцога за особое вниманіе къ себѣ. Въ этомъ письмѣ Митрофанъ Критопулъ, благодаря за все, что сдѣлано для него герцогомъ, много говоритъ о тѣхъ удобствахъ, какія были доставлены ему во время путешествія отъ Штутгарта до Страсбурга, куда отправлялся онъ послѣ посѣщенія Тюбингена. По словамъ греческаго путешественника герцогъ приказалъ дать ему лошадей до самого Страсбурга; на дорогѣ вездѣ принимали его съ такою любовью и предупредительностію, по распоряженію герцога, что путешественнику даже хотѣлось, чтобъ дорога до Страсбурга была продолжительнѣе обыкновеннаго; ибо ему казалось, что онъ не въ пути находится, а великолѣпно проживаетъ во дворцѣ. Онъ очень доволенъ былъ и данными ему спутниками, въ числѣ которыхъ былъ и переводчикъ. — Вообще путешествіе по Германіи было счастливымъ эпизодомъ въ жизни Критопула ¹⁾.

Изъ Германіи этотъ послѣдній на короткое время отправляется еще въ одну протестантскую страну—въ Швейцарію. Здѣсь прежде всего онъ побывалъ въ Базелѣ. Вѣроятно потому, какъ полагаетъ описатель Критопулова путешествія, что въ этомъ городѣ былъ благоустроенный швейцарскій университетъ. Изъ Базеля чрезъ Бернъ онъ поѣхалъ въ отечество кальвинизма—Женеву. Граждане Берна, принявъ его очень внимательно, на свой счетъ переправили его въ этотъ послѣдній городъ. Въ Женевѣ Критопулъ пробылъ лишь три дня, пользуясь полнымъ благорасположеніемъ со стороны здѣшнихъ протестантскихъ пасторовъ. Изъ другихъ швейцарскихъ городовъ онъ посѣтилъ еще Цюрихъ. Авторъ, описывающій путешествіе Критопула, догадывается, что во время посѣщенія Швейцаріи этотъ послѣдній прислушивался здѣсь къ тѣмъ мнѣніямъ, какія выражались здѣсь по вопросу, интересовавшему тогда протестантство,—о соединеніи церковей, со включеніемъ сюда и той церкви, представителемъ которой являлся самъ Митрофанъ.—Въ концѣ 1627 года Критопулъ прибылъ въ Венецію, гдѣ и оставался до 1630 года. А потомъ прибылъ въ Константинополь, въ которомъ находился въ это время Кириллъ Лукарисъ, инициаторъ продол-

¹⁾ *Γενιέρης*, σελ. 37. 44 — 45. 48. 53—54. 56 — 57. 59. 60. 62. 74. 77. 79—80. 83.

жительнаго путешествія Критопула, имѣя санъ константинопольскаго патріарха, а отсюда Критопулъ возвратился въ Александрію. Всего заграничное странствованіе жажущаго знаній Митрофана Критопула обнимало полныхъ тринадцать лѣтъ ¹⁾. Значитъ это было путешествіе удивительное по своему долготѣію: ученый Грекъ начала XVII-го вѣка посвятилъ заграничной наукѣ столько времени, сколько не отдають ей специалисты, профессора нашей эпохи, изучающіе свѣтскіе научные предметы, не говоря уже о лицахъ духовныхъ и преподавателяхъ наукъ богословскихъ.

Искавшіе просвѣщенія Греки, какъ видно изъ вышесказаннаго, избирали для этой цѣли протестантскія страны и протестантскія ученія учрежденія. Само по себѣ понятно, что такое явленіе не могло обходиться безъ важныхъ послѣдствій, въ особенности когда такими искателями просвѣщенія были лица, заинтересованныя больше всего состояніемъ западнаго богословія и мало вооруженныя научной критикой. Для нихъ открывалась возможность увлеченій. Изъ числа вышепоименованныхъ лицъ такую возможность легче всего можно было бы находить у Критопула, какъ челоуѣка проведеннаго очень много лѣтъ среди крайнихъ проявленій протестантскаго міра; и дѣйствительно иногда усматривали въ воззрѣніяхъ его нѣкоторыя отпечатки неправославныхъ вліяній. Но подобнаго рода утвержденіе, нужно сознаться, неосновательно и причисляется въ настоящее время къ явнымъ ошибкамъ. Иное дѣло—Кирилль Лукарисъ, который путешествовалъ по западнымъ странамъ съ ученою цѣлію, хотя и не такъ долго, — о чемъ мы уже говорили, — какъ Критопулъ, но на котораго неправославный западъ оказалъ очень сильное дѣйствіе.

Впрочемъ наука не единогласно рѣшаетъ этотъ послѣдній вопросъ. Въ ней замѣчается раздѣленіе въ разсматриваемомъ случаѣ. Въ чемъ же заключается эта разница?

Вся западная наука, какъ римско-католическая, такъ и протестантская допускала и допускаетъ, что Кирилль Лукарисъ, ставшій потомъ константинопольскимъ патріархомъ, является въ исторіи греческой церкви сторонникомъ протестантскихъ воззрѣній. Поэтому приводитъ отдѣльныя мнѣ-

¹⁾ Ρεμίση, 87—89. 91. 96. 105.

ния западныхъ ученыхъ, подкрѣпляющія это общее положеніе, мы не усматриваемъ надобности. Скажемъ лишь, что основаніемъ для такого научнаго отношенія къ Кириллу Лукарису служатъ многочисленныя письма его къ нѣкоторымъ представителямъ протестантизма того времени, письма—своимъ содержаніемъ, а также существующее подъ его именемъ „исповѣданіе вѣры“, какъ извѣстно, протестантскаго или точнѣе кальвинистическаго характера (обо всѣхъ этихъ документахъ болѣе обстоятельная рѣчь предстоить впереди). Но не одни римско-католическіе и протестантскіе ученые усвояютъ указанное воззрѣніе; а тоже можно находить у значительнаго числа греческихъ и русскихъ писателей и ученыхъ.

Вотъ прежде всего слова Досиѣя, патріарха іерусалимскаго (XVII в.). „Кириллъ Лукарисъ—заявляетъ онъ—былъ тайный еретикъ, какъ это открылось изъ многочисленной его корреспонденціи конечно скрытной и веденной воровски“¹⁾. Или онъ же, Досиѣей, говоритъ: „въ молодости Кириллъ оказалъ пользу католической церкви въ различныхъ мѣстахъ, и въ особенности, будучи отправленъ въ Россію александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ, много и сильно ратовалъ за православіе, подъ конецъ своей жизни умолкъ и не вступилъ въ надлежащую борьбу противъ кальвинистовъ, и потому показалъ себя зломудрымъ и недостойнымъ престола и сана. Онъ, какъ разрушитель нравовъ и какъ злоумышлявшій противъ православія, не можетъ получить никакой пользы отъ того, что его гробъ находится въ церкви“. При этомъ Досиѣей прибавляетъ, что одинъ изъ почитателей Кирилла, пресвитеръ Евгеній изъ Этолій, чловѣкъ пропитанный кальвинизмомъ, сочинилъ канонъ и вообще цѣлую службу въ честь Кирилла, какъ святаго; за что однако былъ отлученъ отъ церкви²⁾. Въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 1694 году, тотъ же Досиѣей помѣщаетъ имя Кирилла Лукаря между именами Лютера,

¹⁾ *Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱερουσαλήμοις πατριαρχουσάντων...* σελ. 1171 (кн. 11, гл. 10).

²⁾ *Παλαδοπούλου Κεραμέως. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυλογίας. Τόμ. 1.* 278. Петерб., 1891. Въ этомъ томѣ напечатаны между прочимъ отрывки изъ Досиѣевой „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ“ въ свое время почему-то въ нее не вошедшіе. (Приводимый отрывокъ относится къ 11 кн., 12-ой гл. названной исторіи“).

Кальвина и другими, пользовавшимися дурной репутацией ¹⁾. Греческій писатель Александръ Элладій (кон. XVII и нач. XVIII в.) считаетъ и называетъ того-же Кирилла приверженцомъ кальвинизма. Онъ пишетъ: „люди ученые не станутъ отрицать, что Кириллъ былъ пропитанъ мнѣніями Іоанна Кальвина“. „Кириллъ былъ ученикъ Кальвина, а не сынъ церкви греческой“. Для подтвержденія своего сужденія Элладій приводитъ выдержки изъ писемъ его къ нѣкоторымъ протестантамъ ²⁾. Ученый греческій архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ († 1872 г.) не находилъ основаній обѣлять Кирилла, когда ему приходилось выразить свое мнѣніе о послѣднемъ, и не усматриваетъ возможности приписывать составленіе извѣстнаго „исповѣданія“ злонамѣреннымъ людямъ, желавшимъ повредить названному константинопольскому патріарху ³⁾. Преждеупомянутый нами греческій же ученый нашего времени Маркъ Реніерисъ, касаясь личности Лукариса, не сомнѣвается, что тяготящее надъ нимъ обвиненіе принадлежитъ къ области историческихъ фактовъ. Для характеристики его онъ влагаетъ отъ себя слѣдующія слова въ уста Кирилла Лукариса (слова, которыхъ онъ, можетъ, никогда и не произносилъ): „теперь должно рѣшиться будущее христіанскаго міра: изъ гигантской борьбы долженъ выйти побѣдителемъ или папизмъ или протестантство. Нотара (извѣстное историческое лице) нѣкогда говорилъ: лучше видѣть въ Константинополѣ турецкую чалму, чѣмъ латинскую тіару, я-же (Кириллъ) скажу: лучше видѣть здѣсь протестаномудрствующаго патріарха, чѣмъ жалкаго іезуита“. И въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель замѣчаетъ: „издавъ извѣстное исповѣданіе, Кириллъ тѣмъ самымъ явно протянулъ руку кальвинизму“ ⁴⁾. Что касается русскихъ ученыхъ, то и между ними можно находить такихъ, которые не становятся на сторонѣ защитниковъ правовѣрія Кирилла Лукариса. Такъ, проф. И. Е.

¹⁾ Legrand. Bibliographie Hellénique. Tome III, p. 35. Paris, 1895. (здѣсь помѣщенъ отрывокъ изъ сочиненія Досноея: *Ἐυχαιρίδιον κατὰ Ἰωάννου τοῦ Καρποφύλλου*).

²⁾ Helladii. Status praesens ecclesiae Graecae, p. 242. 246 Петерб., 1714.

³⁾ Проф. И. Е. Троицкаго. Учено-литературные труды архимандр. Андроника Димитракопула (*Христ. учен.*, 1873, III, 622).

⁴⁾ *Реніерисъ*, σελ. 100. 104.

Троицкій присоединяется къ воззрѣнiямъ, выраженнымъ о. Димитракопуломъ и приведеннымъ нами нѣсколько выше ¹⁾. Не стремится сколько нибудь защищать Кирилла, хотя къ этому былъ очень прямой поводъ, и извѣстный нашъ ученый, теперь покойный, преосвящ. Порфирiй Успенскiй ²⁾. Къ разряду этого же рода историковъ слѣдуетъ отнести и покойнаго ректора Моск. Дух. Академiи А. В. Горскаго. Имѣя случай говорить о Кириллѣ, онъ утверждалъ, что „защитникъ Кирилла“ не лишенъ возможности „отстаивать“ (т. е. обѣлять) его въ его оффиціальной дѣятельности“, какъ патрiарха константинопольскаго. Къ этому выводу наклоняетъ мысль нашего изслѣдователя изученiе актовъ такъ называемаго собора iерусалимскаго (1672 г.), (бывшаго подъ предѣдательствомъ патрiарха Досiеоя и имѣвшаго цѣлю доказать, что церковь восточная не принимала и не признавала „исповѣданiя“, появившагося еще при жизни Кирилла съ его именемъ, хотя бы авторомъ „исповѣданiя“ и былъ этотъ послѣднiй). Ибо въ этихъ актахъ можно усматривать мысль, что оправдывать и защищать Кирилла и въ неоффиціальной личной его дѣятельности — дѣло мудреное, дѣло выходящее за предѣлы задачъ собора. Такъ, въ актахъ, въ самомъ началѣ ихъ говорится: „каковъ былъ Кириллъ (Лукарисъ) въ своей совѣсти, мы не беремъ на себя сказать рѣшительно“. Тѣже акты настаиваютъ, что Кириллъ „ни публично, ни частно“ ничего противнаго вѣрѣ не говорилъ „ни многимъ, ни нѣкоторымъ изъ православныхъ“; а этимъ давалось знать, что бесѣды и сношенiя Кирилла съ неправославными, корреспонденція съ ними, обнародованiе среди нихъ какихъ-либо сочиненiй не составляло предмета заботъ и разсужденiй разсматриваемаго собора ³⁾. Такимъ образомъ, „защитникъ Кирилла“, если возьметъ для себя въ руковод-

¹⁾ Учено-литературные труды архимандрита Андроника Димитракопула, стр. 622—623.

²⁾ Епископа Порфирiя. Первое путешествiе въ Афонскiе монастыри. Часть II, отд. 2-ое. Стр. 229—31. М. 1880. (Здѣсь приведено у автора очень интимное письмо Кирилла къ архіепископу кантербурiйскому, не чуждое похвалъ по адресу того вѣроисповѣданiя, которому принадлежалъ послѣднiй).

³⁾ Ректора А. В. Горскаго. О соборѣ iерусалимскомъ 1672 года. „Прибавл. къ творен. св. Отцевъ“, томъ 24, стр. 606. 616. (1871 г.).

ство указанія собора 1672 года, не можетъ ручаться въ томъ, что этотъ патріархъ остается безупреченъ и за предѣлами своей официальной дѣятельности въ Константинополѣ. Безъ сомнѣнія, много значить и одна возможность защиты Кирилла въ его официальной дѣятельности, — но здѣсь еще не конецъ дѣлу. Нельзя не отмѣтить, что обсужденіе вопроса о. А. В. Горскимъ отличается большою тонкостію.

Но если одни изъ представителей науки прямо объявляютъ Кирилла наклоннымъ къ протестантизму или же не желаютъ брать его подъ свою защиту въ данномъ отношеніи и обѣлять его, то другіе изъ ученыхъ и писателей безо всякаго колебанія становятся на сторону его апологетовъ и стараются очистить его ото всякихъ обвиненій въ неправославіи. Такъ поступаетъ большинство современныхъ намъ греческихъ историковъ. Константинъ Сата, принимая во вниманіе отзывъ о Кириллѣ іерусалимскаго патріарха Теофана (нач. XVII в.), именуетъ его „мудрѣйшимъ патріархомъ“ и замѣчаетъ, что Кириллъ „былъ настолько далекъ отъ ереси, что онъ во истину такой архіерей, котораго, согласно слову ап. Павла, можно называть преподобнымъ, незлобнымъ“ и проч. Этотъ писатель отрицаетъ принадлежность Лукарису, издавнаго съ именемъ послѣдняго, — исповѣданія, считая его подлогомъ. А на возможное возраженіе, почему въ такомъ случаѣ патріархъ не заявилъ публично объ этомъ подлогѣ, Сата говоритъ, что для Кирилла было не безопасно рѣшиться на такой шагъ, такъ какъ онъ не желалъ разгнѣвать такимъ поступкомъ протестантское посольство въ Константинополѣ, на которое онъ опирался въ борьбѣ съ іезуитами, всячески вредившими этому патріарху, но что онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать заявленіе о такомъ подлогѣ впоследствии, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ ¹⁾. Изъ числа греческихъ ученыхъ нашего времени приведемъ сужденіе профессора церковной исторіи въ Аѳинскомъ университетѣ Діомида Кириака. Это сужденіе, при всей его краткости, можетъ однако служить типическимъ обращеніемъ возрѣвнѣй греческой богословской науки. „Въ 1629 году, пишетъ онъ,—появилось въ Женевѣ кальвинистическаго

¹⁾ *Σάτα. Νεοελληνική φιλολογία, σελ. 246—247. Афины, 1868.*

характера „исповѣданіе восточной церкви“ съ именемъ Кирилла. Неизвѣстно, заявляетъ Киріакъ, кто написалъ это исповѣданіе. Вѣроятно же всего, его издали іезуиты, чтобы возбудить къ патріарху непримиримую вражду. Кирилль впрочемъ не преминулъ объявить на словахъ, что онъ не былъ авторомъ „исповѣданія“, да и проповѣди, которыя онъ произносилъ до этого случая и послѣ случая, свидѣтельствовали, что онъ не держался ложнаго ученія ¹⁾. Притомъ же вѣроятно, чтобы такой благоразумный человѣкъ, какъ Кирилль, могъ разсчитывать, что путемъ такого легкомысленнаго обмана (т. е. путемъ обнародованія „исповѣданія“ протестантскаго характера съ именемъ патріарха) возможно было въ самомъ дѣлѣ обратить восточную церковь въ протестантство. А если же Кирилль письменно не заявилъ о томъ, что онъ не былъ авторомъ „исповѣданія“, то такъ поступилъ онъ изъ деликатности предъ своими многочисленными протестантскими друзьями и изъ чувства признательности къ посольствамъ протестантскихъ державъ въ Константинополь, расположеніемъ каковыхъ посольствъ онъ дорожилъ въ тяжелой борьбѣ съ іезуитами и папизмомъ“. Киріакъ впрочемъ не молчитъ о той близости къ протестантамъ, какая отличала этого патріарха; онъ замѣчаетъ: „его отношенія къ теологамъ—кальвинистамъ были извѣстны, поскольку онъ не тайлъ ихъ и въ столицѣ“ (Константинополь); но въ чемъ заключались эти отношенія, какъ смотрѣть на переписку его съ подобными теологами, историкъ не объясняетъ ²⁾.—Нѣкоторые русскіе богословы съ своей стороны присоединяютъ голосъ къ голосу сейчасъ указанныхъ греческихъ ученыхъ. Авторъ монографіи о Кириллѣ Лукарисѣ, архимандритъ Арсеній пишетъ: „протестанты, какъ оказалось, вели знакомство съ этимъ патріархомъ между прочимъ и съ тою цѣлію, чтобы склонить его, а затѣмъ и его церковь, къ церковному единенію съ собою; но со стороны Кирилла никогда не видно было сочувствія

¹⁾ По поводу проповѣдей Кирилла будетъ умѣстно привести слѣдующее замѣчаніе ректора А. В. Горскаго, изъ вышеуказанной его статьи: „Церковныя поученія (Кирилла Лукариса) не представляли удобства для проповѣданія новыхъ (т. е. протестантскихъ) мнѣній“. (Стр. 606).

²⁾ *Κερίάκος. Ἑλληνοαποικίη ἱστορία. Τομ. III, σελ. 93—94. Αθήναι, 1895.*

этому. Съ твердымъ упованіемъ на Бога и съ совершеннымъ довѣріемъ къ своей паствѣ, Кирилль, единственно по нуждамъ церкви, дозволилъ себѣ вступить въ сношенія съ протестантскими государями и ихъ представителями на Востокѣ..... Сильное слово его почти не умолкало. Изъ устъ его съ церковной кафедры слышались постоянно свѣтыя истины вѣры и обличеніе неправомыслящихъ“¹⁾. Авторъ отвергаетъ принадлежность Кириллу какъ извѣстнаго „исповѣданія вѣры“, такъ и всѣхъ писемъ его къ протестантамъ, наиболѣе компрометирующихъ этого патріарха. Съ такою же рѣшительностію принимаетъ подъ свою защиту Лукариса и проф. П. П. Малышевскій. Вотъ его слова. „Въ XVI вѣкѣ еще не было между Греками видныхъ личностей, которыя бы серьезно заподозрѣвались или дѣйствительно изобличали себя въ протестантствѣ. Съ XVII-го же вѣка является ихъ нѣсколько. Таковы были Кирилль Лукарисъ и нѣкоторые изъ его учениковъ. Подозрѣнія въ протестантствѣ касательно Лукариса были такъ серьезны, что перенесены были съ его лица и на всю восточную церковь, причинили немало соблазновъ и смуть. Дѣйствительно, Кирилль выражался, что желаетъ такого единенія съ протестантами, которое основывалось бы на единомъ краеугольномъ камнѣ Исусѣ Христѣ. Однако онъ не становился на протестантскую точку зрѣнія, твердо стоялъ за догматы и существенныя установленія православной церкви. Что касается до пресловутаго „исповѣданія вѣры“, явившагося за подписью Кирилла въ 1631 г. (?), и проникнутаго протестантскими мнѣніями, то въ подложности его не можетъ быть сомнѣнія. Есть мнѣніе, что его выпустили іезуиты, чтобы выставивъ Кирилла еретикомъ, найти между Греками пособниковъ своей злобы противъ него. Мы однако склоняемся, пишетъ авторъ, къ другому мнѣнію, что это „исповѣданіе“ сочинено кѣмъ-либо изъ протестантовъ или Грековъ (?), единомышленныхъ съ ними и оглашено подъ именемъ Кирилла и что оно быть можетъ (?) не сразу получило окончатель-

¹⁾ Арх. Арсенія. Патр. К. Лукарисъ и его заслуги для церкви. Изд. 2-ое. Стр. 204—6. Симфер. 1881. Повидимому, сочиненіе представляетъ изъ себя магистерскую диссертацию стараго времени, т. е. до времени преобразования дух. Академій въ 1869 г.

ную редакцію“. Онъ же утверждаетъ, что въ массѣ изданныхъ писемъ Кирилла нашли себѣ мѣсто и подложныя письма и выражаетъ сожалѣніе, что подлинныя письма его далеко не всѣ изданы ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ наукѣ можно встрѣчать два противоположныя мнѣнія по вопросу объ отношеніи Кирилла Лукариса къ современному ему протестантству.

Къ какому же изъ этихъ двухъ мнѣній слѣдуетъ присоединяться? Дѣло, повидимому, очень трудное; но оно до крайней степени облегчается благодаря мало кому извѣстнымъ открытіямъ современной науки. Исслѣдователя исторіи Кирилла Лукариса выводитъ изъ затрудненій и ставитъ на торную дорогу очень извѣстный французскій ученый Эмиль Легранъ, выпустившій недавно въ свѣтъ четырехтомное изданіе, подъ заглавіемъ: „Еллинская библіографія или систематическое описаніе сочиненій, обнародованныхъ Греками въ XVII-мъ вѣкѣ“ (1894—1896 г.) ²⁾. Въ этомъ ученомъ трудѣ Леграна находимъ документы и свѣдѣнія, проливающие обильный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Оказывается, что въ возрѣніяхъ на Кирилла права западная наука, а вмѣстѣ съ нею и тѣ изъ восточныхъ писателей, которые соглашались съ нею въ данномъ случаѣ или по крайней мѣрѣ не считали справедливымъ отстаивать противоположныхъ возрѣній на изучаемую нами личность.

Но обратимся къ тѣмъ документамъ и извѣстіямъ, какими обогатилась наука, благодаря трудамъ Леграна. И прежде всего сообщимъ то, что новаго даетъ онъ наукѣ по вопросу о такъ называемомъ „исповѣданіи вѣры“ Кирилла, исповѣданіи явно протестантскаго характера. Нужно сказать, что это произведеніе издано было двукратно при жизни Кирилла: разъ на латинскомъ языкѣ и разъ на греческомъ. Раньше появилось первое, а потому о немъ сначала и скажемъ. Оно появилось въ 1629 году, въ Женевѣ не только

¹⁾ Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, стр. 569—571. Кіевъ 1872. Нужно впрочемъ замѣтить, что не видно, чтобы авторъ имѣлъ случай близко изучать исторію Кирилла Лукариса.

²⁾ Legrand. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au XVII siècle. Tomes I—IV. Paris, 1894—1896.

отъ имени Кирилла, но и отъ имени прочихъ восточныхъ патріарховъ. Французскій ученый имѣлъ подъ руками это самое первое изданіе (впослѣдствіи „исповѣданіе“ это не разъ было перепечатано) и въ немъ на послѣдней страницѣ слѣдующую любопытную замѣтку, сдѣланную на томъ же языкѣ: „эта копія списана съ автографа, написаннаго собственною рукою патріарха Кирилла, которую я очень хорошо знаю, оригиналь остается у меня, при чемъ я удостовѣряю, что копія буквально сходна съ оригиналомъ, какъ показываетъ сдѣланное мною сличеніе“. Затѣмъ слѣдуетъ подпись имени Корнелія Гагена, голландскаго протестанта, находившагося въ это время при посольствѣ въ Константинополь¹⁾. Конечно можно бы думать, что замѣтка эта по ея содержанію есть плодъ фантазіи и злонамѣренности. Но такое предположеніе оказывается не основательнымъ, послѣ того, какъ ознакомляемся съ документами и свѣдѣніями, сообщаемыми тѣмъ же издателемъ касательно греческаго изданія Кириллова „исповѣданія“. Греческая редакція этого послѣдняго (съ латинскимъ переводомъ) появился въ 1633 году и опять въ Женевѣ. Произведеніе это напечатано было, повидимому, послѣ продолжительнаго обсужденія этого дѣла. До насъ сохранилось что-то въ родѣ настоящихъ протоколовъ, въ которыхъ записывались различныя стадіи предпринятаго печатанія. Эмиль Легранъ пишетъ; „въ архивахъ женевской консисторіи находится нѣсколько документовъ, касающихся опубликованія этого изданія *исповѣданія вѣры*. Они помѣщены въ Регистрѣ Общества пасторовъ и профессоровъ Женевской церкви и школы“. Затѣмъ ученый французъ приводитъ цѣликомъ нѣкоторыя изъ протокольныхъ записей, которыя велись указаннымъ Обществомъ. Вотъ, напримѣръ, запись, помѣченная: „пятница, 2 декабря, 1631 года. Господинъ Діадати (профессоръ женевскаго университета) нашъ братъ, доложилъ, что онъ получилъ письмо г-на Лежера (протестантскаго пастора при голландскомъ посольствѣ въ Константинополь) и полное *Исповѣданіе* константинопольскаго патріарха и что названный патріархъ добровольно сдѣлалъ надписаніе на немъ и посвященіе женевскому Обществу. Разсуждали о тщательномъ напечатаніи этого исповѣданія.

¹⁾ Tome. I, p. 267—268.

Такъ какъ оно написано на греческомъ языкѣ, то опредѣлено было перевести его на латинскій и французскій языки и для этой цѣли назначались профессоры теологій и г-нъ Лоренсъ. Что же касается посвященія его Обществу, то оно найдено было излишнимъ“. Другая запись изъ тѣхъ же протоколовъ. „Пятница, 22 марта 1633 года. Заявлено, что печатаніе *исповѣданія* патриарха окончено. Въ Обществѣ шло разсужденіе о томъ, нужно-ли присоединить къ нему какое-либо предисловіе; Общество нашло это нужнымъ и поручило составить предисловіе Діадоты и Леклерку. Признали за благо, чтобы изданіе исповѣданія помѣчено было именемъ города Женевы“. Приведа эти и еще нѣкоторые отрывки изъ протокольныхъ записей Общества, Легранъ пишетъ; „большинство Грековъ, писавшихъ о Кириллѣ Лукарисѣ, не соглашаются принимать, чтобы авторомъ *исповѣданія* было то лице, чье имя оно носить. Съ ихъ точки зрѣнія невозможно, чтобы патриархъ константинопольскій позволилъ себѣ измѣнить православію! Но этотъ вопросъ (если только это еще вопросъ)—замѣчаетъ Легранъ—очень нетрудно распутать. Женевская публичная бібліотека владѣетъ греческимъ оригиналомъ *Исповѣданія* *откры*, написаннымъ рукою самого Кирилла Лукариса. Мы, думаемъ, что fac-similé первой страницы этого драгоценнаго документа будетъ въ состояніи разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ (здѣсь же французскій ученый печатаетъ fac-similé первыхъ восемнадцати строкъ оригинала, на греческомъ языкѣ). И пусть лица отрицающія подлинность *Исповѣданія*, продолжаетъ онъ,—въ особенности изъ числа тѣхъ, которыя находятся въ Константинополѣ, возьмутъ на себя трудъ сравнить этотъ очень хорошо извѣстный почеркъ съ автографами Кирилла, находящимися въ ихъ распоряженіи, напримѣръ съ манускриптомъ (№ 263) въ бібліотекѣ святогробскаго мѣтоха (въ Константинополѣ). Мы увѣрены, что послѣ минутнаго сличенія тождество этихъ двухъ почерковъ откроется для нихъ во всей ясности“. Затѣмъ тотъ же ученый пишетъ: „оригиналь *Исповѣданія* вѣры Кирилла Лукариса находится въ Женевѣ между греческими рукописями“ (при этотъ онъ дѣлаетъ такое описаніе рукописи, какое принято дѣлать въ подобныхъ случаяхъ) и обращаетъ вниманіе на слѣдующую замѣтку, имѣющуюся на 24 страницѣ этого оригинала: „*Αὐτό-*

γραφοῦ. Confessio Cyrilli patriarchae gr. sine locis scripturae ¹⁾ manu propria auctoris ex Musaeo D. Deodati in Bibl. publ. translata auctoritate publica“. Изъ этой приписки видно, что издатели старались и на будущее время предохранить себя отъ естественнаго подозрѣнія въ подлогъ напечатаннаго ими *исповѣданія* ²⁾. Заканчивая передачу свѣдѣній о манускриптѣ этого послѣдняго, Легранъ говоритъ: „къ этому оригиналу приложена копія съ него, а въ концѣ ея читаются слѣдующія слова (на греческомъ языкѣ), написанныя рукою Кирилла: „настоящій списокъ согласенъ съ оригиналомъ, начертаннымъ нашею рукою. Въ списокѣ такимъ образомъ буквально воспроизведено вышеписанное. И пусть никто въ этомъ не сомнѣвается“. Слѣдуетъ собственноручная же подпись патріарха: „Кириллъ патріархъ Константинопольскій“ ³⁾.

Въ 1873 году проф. И. Е. Троицкій при одномъ случаѣ говорилъ: „къ сожалѣнію въ извѣстномъ кружкѣ греческихъ ученыхъ обвиненіе католиковъ и протестантовъ въ поддѣлкѣ сочиненій разныхъ греческихъ богослововъ сдѣлалось своего рода конькомъ, на которомъ они слишкомъ часто и весьма неосторожно выѣзжаютъ. (Рѣчь идетъ здѣсь между прочимъ и о *Исповѣданіи* Кирилла Лукариса). Обыкновенно къ нему обращаются всякій разъ, когда не оказывается другихъ средствъ опровергнуть то или другое, почему-либо не правящееся автору (т. е. Греку), мнѣніе объ извѣстномъ богословѣ, тотъ или другой взглядъ на него, основанный на томъ или другомъ его произведеніи. Безъ дальнихъ околичностей они спѣшатъ обозвать это произведеніе подложнымъ и дѣлу конецъ“. „А что если отыщется, замѣчаетъ почтенный ученый, автографъ и несчастнаго *Исповѣданія* Кириллова, какъ отыскался автографъ „Исповѣданія“ Митрофана Критопула?“ (А это послѣднее произведеніе Критопула въ оригиналѣ было открыто лишь въ 60-хъ годахъ

¹⁾ *Sine locis scripturae*, т. е. безъ тѣхъ глухихъ ссылокъ на священное Писаніе, относящихся къ тому или другому пункту разсматриваемаго исповѣданія,—ссылкъ, помѣщенныхъ въ печатномъ изданіи его, но не входящихся въ оригиналѣ.

²⁾ Тоже стремленіе ясно видно въ предисловіи къ 1-му изданію *Исповѣданія* (Legrand, I. p. 316).

³⁾ Legrand. Tome I, p. 315—319.

XIX-го вѣка) ¹⁾. И вотъ предчувствіе автора вышеприведенныхъ строкъ исполнилось! Кажется, въ настоящее время вопросъ о подлинности *Исповѣданія* Кирилла вышелъ — и притомъ навсегда—изъ области тягостныхъ сомнѣній и мучительнаго недоумѣнія....

Греческіе писатели, писавшіе о Кириллѣ Лукарисѣ и не признававшіе подлинности „Исповѣданія“ этого послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно, безъ дальнихъ разсужденій отвергали и подлинность изданной на Западѣ „переписки“ этого патріарха съ его протестантскими друзьями. Они, конечно, поступали правильно съ своей точки зрѣнія: если „исповѣданіе“ Кириллово подлогъ, то въ значительной мѣрѣ служащая иллюстраціею къ этому исповѣданію, переписка его съ протестантами, свѣдѣнія о которой шли съ Запада, должна была раздѣлять общую участь съ первымъ документомъ. Поэтому, и для насъ, послѣ того, какъ нами разъяснено современное научное положеніе вопроса объ „исповѣданіи“, можно было бы и не входить въ какія-либо подробности касательно указанной переписки Кирилла съ западными иновѣрцами: если должно быть признано подлиннымъ „исповѣданіе“, то нѣтъ причинъ относиться скептически и отвергать подлинность и переписки. На этомъ теоретическомъ выводѣ возможно было бы и успокоиться. Но мы тѣмъ менѣе считаемъ небезполезнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о перепискѣ Кирилла, въ виду того, что въ настоящее время открылось немало данныхъ, указывающихъ, что такая переписка—дѣйствительный историческій фактъ, а не есть злонамѣренная поддѣлка. Въ этомъ удостовѣряетъ изслѣдователя все тотъ же вышеуказанный трудъ французскаго ученаго Леграна. Этотъ ученый снова издалъ почти всю переписку Кирилла съ представителями протестантства и притомъ на основаніи лучшихъ источниковъ. Такъ 14 писемъ Кирилла къ Давиду де-Вильгельму, писанныя частію на латинскомъ, а частію на итальянскомъ языкахъ, переизданы Леграномъ, по его словамъ, „на основаніи ихъ оригиналовъ, сохранившихся въ университетской библіотекѣ въ Лейденѣ“ ²⁾, то есть, какъ нужно думать, на основаніи ав-

¹⁾ Учено-литературные труды Андровика Димитрокоцула, стр. 623. 627. (Сочиненіе это было цитировано выше).

²⁾ Legrand. Tome IV, p. 313.

тографовъ патріарха константинопольскаго. Одно изъ латинскихъ писемъ Кирилла къ Утенбогарту, переиздано Леграномъ, какъ онъ говоритъ, съ автографа, принадлежащаго вышеназванной бібліотекѣ, а другое такое же письмо переиздано по копіи, сохранившейся въ женевской публичной бібліотекѣ ¹⁾. Въ припискѣ къ одному письму Кирилла, сохранившемуся въ копіи, читаются, по сообщенію Леграна, слѣдующія любопытныя слова: „это есть копія письма Кирилла, патріарха Константинопольскаго, писаннаго его собственною рукою къ достопочтеннѣйшимъ сенаторамъ (Швейцарской) республики и уважаемому обществу пасторовъ и профессоровъ Женевской церкви и университета; копія буквально сходна съ оригиналомъ. Въ этомъ удостоверяемъ мы нижеподписавшіеся отъ имени цѣлаго вышеназваннаго Общества“. Затѣмъ слѣдуютъ подписи: ‚Превость, Дюдати, Спангеймъ и стоитъ дата: Женева, 3 апрѣля, 1637 ²⁾. Нѣкоторыя письма Кирилла, имѣющія интересъ въ нашемъ вопросѣ, изданы французскимъ ученымъ еще въ первый разъ, и опять таки, по словамъ его, „на основаніи оригинала или по крайней мѣрѣ, прибавляетъ осторожный издатель, съ копіи, сдѣланной самимъ Кирилломъ Лукарисомъ“ ³⁾.—Такимъ образомъ во вновь изданныхъ письмахъ Кирилла мы находимъ не иное что, какъ документы высокой важности для исторіи этого патріарха Константинопольскаго.

Теперь познакомимся съ перепиской Кирилла съ разными представителями тогдашняго протестантскаго міра, сообщимъ свѣдѣнія о такъ называемомъ „исповѣданіи“ этого патріарха, укажемъ внѣшнія условія его появленія и постараемся, насколько откроется къ тому возможность, уяснить и внутреннія условія возникновенія тогоже историческаго памятника.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Лебедевъ.

¹⁾ Ibidem, p. 291—292.

²⁾ Ibidem, p. 456.

³⁾ Ibidem, p. 329.